

Через несколько дней, когда древесину для навеса перевезли в город, лавка с чанфэнем перестала быть просто уличным лотком - теперь это был настоящий чанфэнь-павильон под навесом.

Чжоу Сяолэ смотрел, как навес из ничего постепенно обретает форму, и в душе у него поднималось волнение: наконец-то всё начало складываться.

Навес по кругу держался на семи толстых деревянных столбах. По внешнему краю специально поставили несколько деревянных коробов, насыпали в них земли и высадили цветы и травы, пересаженные из деревни, - с ними павильон сразу выглядел куда наряднее, чем соседние. Посередине стоял ещё один столб, подпирающий полотнище крыши, так что даже в дождь на ней не скапливалась вода. Края навеса были растянуты наружу тонкими деревянными подпорками и спускались вниз, поэтому дождевая вода стекала только наружу. Даже если пойдёт дождь, гостям, сидящим с краю, можно было не бояться, что брызги попадут внутрь.

Спереди специально оставили деревянную вывеску, на которой было написано: «Чжоу-Чжоу чанфэнь». Раз есть вывеска - есть имя, а раз есть имя, то разве можно бояться, что не будет известности?

Когда навес только закончили, хозяин чайного лотка обошёл его кругом, несколько раз цокнул языком и сказал:

— Хозяин Чжоу, стоило тебе поставить такой навес, как мой чайный шатёр рядом совсем убого смотреться стал. Не осталось ли у тебя лишних цветов? Может, и мне пару горшков дать, чтобы тоже украсить?

Чжоу Сяолэ широко махнул рукой и с размахом ответил:

— Вон там ещё две кадки стоят, забирайте смело!

Не успел он договорить, как горшки с цветами уже перекочевали ко входу в чайный лоток и закачались на ветру.

Необычный вид сразу привлёк немало зевак. Большинство прохожих были неграмотны и не могли разобрать, что написано на вывеске. Увидев новый навес, они даже решили, что чанфэнь здесь больше не продают.

Те, кто любил это угощение, поспешили спросить:

— Молодой хозяин, а для чего этот новый навес? Вы что, больше не будете делать чанфэнь?

Народу вокруг собралось немало: были и знакомые лица, и довольно много незнакомых. Очень кстати - как раз можно было хорошенько себя разрекламировать.

Чжоу Сяолэ встал перед только что построенным навесом. Пусть на земле ещё лежала куча древесного мусора, это нисколько не мешало его рекламному размаху.

— Чанфэнь, конечно, будем делать! Новый навес поставили как раз для того, чтобы вы все могли с удобством позавтракать. И не только это: завтра я запускаю «набор чай и фэнь»!

Чжоу Сяолэ громко объявил:

— Одна порция мясного чанфэня, одна порция чанфэня на бамбуковом сите и одна чашка чая. Те, кто ел наш чанфэнь, знают: порция мясного чанфэня - восемь вэней, порция на бамбуковом сите - тоже восемь вэней, вместе уже шестнадцать. Если добавить ещё чашу чая за четыре вэня, выйдет двадцать. Но если заказать один «набор чай и фэнь», можно сэкономить три вэня: всего семнадцать вэней!

— Семнадцать вэней? Звучит и правда выгодно...

— Это ещё и благодарность всем вам за любовь к нашему чанфэню. Благодаря вам у нас появился новый навес, вот мы и запускаем «набор чай и фэнь», чтобы всем вместе порадоваться!

— А если я закажу несколько таких наборов, цена всё равно будет по семнадцать вэней? У меня в семье восемь человек! — спросил кто-то.

Вот этот человек очень вовремя подал голос! Чжоу Сяолэ улыбнулся так широко, что глаз почти не стало видно, и громко ответил:

— Конечно! У вас в семье восемь человек, закажете четыре набора: с каждого набора экономия три вэня, четыре набора - это уже двенадцать вэней выгоды!

Тот, кто мог заказать четыре набора, конечно, вряд ли слишком переживал из-за десятка с лишним вэней. Но деньги есть деньги: раз можно сэкономить, зачем не экономить?

На глазах у всех Чжоу Сяолэ несколько раз повторил рекламу и терпеливо объяснял каждому, что завтра, в день открытия под новым навесом, появятся наборы. Даже если эта волна привлечёт лишь треть слушателей, завтра места всё равно будут заняты.

Затем Чжоу Сяолэ помог вычистить навес, а оставшиеся деревяшки сложили вместе - завтра как раз пригодятся. Когда дело было закончено, Чжоу Сяолэ вместе с четырьмя работниками, строившими навес, пошёл к выезду из городка ждать Сюй Гуаня. В последнее время Сюй Гуань добыл немного дичи и привёз её в город продать; утром они приехали вместе, теперь как раз могли вместе вернуться.

Сюй Гуань не заставил их долго ждать. Едва они дошли до выезда из городка, он уже подъехал.

Все уселись на тележку и вместе отправились обратно.

По дороге они заговорили о деле Чжоу Сяолэ с едой. Теперь торговля стала немного больше, и он как раз хотел найти ещё рабочих рук. Один из мужчин, услышав это, оживился. Его жена прежде всё время сидела дома с ребёнком, а теперь ребёнок подрос, и она как раз подумывала найти какую-нибудь работу. Раз Чжоу Сяолэ нужны люди, можно вернуться домой и обсудить это с женой. Если она захочет, они потом вместе придут спросить у Чжоу Сяолэ.

С поиском работников староста вроде бы уже помог: нашёл людей. Но неизвестно почему из трёх один отказался. Двоих, конечно, тоже хватило бы, но Чжоу Сяолэ боялся, что в разгар торговли они не справятся, поэтому всё равно хотел найти троих. За приготовление фэнь они с Чжоу Чуся отвечали сами, но ещё нужен был кто-то, кто будет принимать заказы, подавать блюда и заниматься разными мелкими делами. Три человека как раз не дали бы работе превратиться в хаос.

Когда Чжоу Сяолэ вернулся домой, двое, которых нашёл староста, уже ждали у ворот. Увидев Чжоу Сяолэ, оба приветливо поздоровались. С первого взгляда было ясно, что эти двое не из робких. Одежда на них была грубая, зато сами они выглядели очень опрятно.

Чжоу Сяолэ в душе остался доволен. Когда имеешь дело с едой, больше всего боишься встретить человека, который не любит чистоту: руки грязные, липкие, подаёт блюдо - большой палец задевает соус чанфэня, а ему всё равно. Гости увидят такое, и на душе им сразу станет неприятно. Подобных вещей обязательно нужно избегать.

Чтобы удержать людей в уличной торговле, относиться к ним нужно было почти как в ресторане.

Чжоу Сяолэ налил обоим воды и спросил.

— Меня зовут Чжоу Чуньсин. Среди ровесников в деревне я шестой...

— Меня зовут Цзи Хай, в деревне все зовут меня Дахай.

— Скоро Ся-гэр всё объяснит. Завтра открываемся, гостей, должно быть, будет немало. Когда людей много, не спешите; лучше медленнее, но аккуратно.

Увидев, что оба кивнули, Чжоу Сяолэ продолжил:

— Плата рассчитывается раз в месяц: семьсот вэней в месяц, завтрак и обед включены. Староста вам это уже говорил?

— Да-да, всё это мы знаем, — ответили они, кивая.

— Хорошо. Ся-гэр сейчас делает чанфэнь, потом вы оба попробуете.

Когда Чжоу Сяолэ всё объяснил, Чжоу Чуся увёл людей, а сам Чжоу Сяолэ подумал, что нужно ещё сходить к старосте и спросить. Но тут снаружи вошёл Сюй Гуань и привёл с собой двоих: один был мужчина, помогавший строить навес, а другая - молодая женщина. По их близким движениям сразу было видно, что это супруги.

Сюй Гуань сказал:

— Лэ-гэр, старший брат Дачэн сказал, что у него к тебе дело.

Чжоу Дачэн весь держался немного скованно. Он замялся, пробормотал что-то, так и не сумев толком объяснить, зато его жена очень бойко сказала:

— В прошлые дни благодаря Лэ-гэру мой муж заработал немало денег. Только что по дороге назад он сказал, что Лэ-гэр ищет работников, вот я и подумала: может, и мне удастся немного приобщиться к удаче Лэ-гэра. Пришла спросить, подойду ли я? Лэ-гэр, можешь не волноваться. Я работаю проворно, дома у меня всё всегда убрано чисто. Раньше я уже работала в закуской, и в зазывании гостей у меня тоже есть опыт!

По одному её тону было ясно, что она действительно занималась такой работой. Чжоу Сяолэ невольно удивился: не ожидал, что придёт человек с опытом. Это могло сэкономить немало хлопот.

— Невестка говорит прямо и бойко, как тут может не подойти?

Чжоу Сяолэ сказал:

— Завтра открываемся, подготовить нужно довольно много. Овощи тоже надо заранее вымыть и уже потом везти с собой. Завтра приходи ко мне в четверть часа Мао, а потом каждый день - в три четверти часа Мао. Такое время тебе подходит? У меня месячная плата семьсот вэней, завтрак и обед включены. Сначала поработаем три месяца на такой плате, а через три месяца всем, кто хорошо справится, поднимем жалованье.

— Лэ-гэр может звать меня женой Дачэна, Дачэн-сао. У меня сейчас особых дел нет, любое время подходит!

Последний работник был найден, и Чжоу Сяолэ наконец успокоился. Всех людей он передал Чжоу Чуся, чтобы тот их обучил; дальше эти трое должны были заменить Чжоу Чуся в его прежних обязанностях.

А сам Чжоу Чуся вместе с ним будет готовить чанфэнь. Иначе если готовить будет один Чжоу Сяолэ, деревянный ящик хоть сожги - всё равно не успеешь. Поэтому он ещё попросил

дядюшку Гуя сделать на запас два дополнительных деревянных ящика.

В день открытия стоило хлопущкам затрещать, как прохожие со всей восточной улицы городка не удержались и сбежались посмотреть на шумное зрелище. У других навесов всё было просто: поставил столы и сразу торгуешь. Только у лотка «Чжоу-Чжоу чанфэнь» стоял нарядный, необычный навес, с цветами и травами, и он странным образом гармонировал со всей восточной улицей, будто на серую, пыльную картину нанесли несколько мазков цветной туши, и вся улица ожила.

Работники у них тоже отличались от чужих. Стоило гостю войти, как, сколько бы дел ни было у них в руках, они не забывали о вежливости и дружно выкрикивали:

— Добро пожаловать в «Чжоу-Чжоу чанфэнь»!

Почему-то возникало ощущение, будто в простом уличном лотке получаешь обращение как в ресторане. Обычный завтрак вдруг елся с чувством особой важности.

Новинка, настоящая новинка...

К этому дню открытия Чжоу Сяолэ приготовил пять вёдер рисового теста. Не прошло и получаса, как уже пошло второе ведро. Пять вёдер он и так приготовил с запасом, но размах сегодняшней торговли всё равно превзошёл ожидания.

Дачэн-сао убрала стол, проводила новых гостей к местам, записала их заказ, затем взяла табличку, обозначающую набор, и положила её на стол Чжоу Сяолэ.

— Хозяин, там пять наборов. Табличка здесь.

На столе рядом с Чжоу Сяолэ уже лежало немало таких табличек; у Чжоу Чуся было ничуть не меньше. К счастью, чанфэнь готовился очень быстро, и даже при большом количестве порций ждать в очереди приходилось не слишком долго.

Только Чжоу Сяолэ и Чжоу Чуся в этот знойный летний день стояли перед горячими, полными пара деревянными ящиками и почти готовы были взорваться от жары. Хорошо ещё, что рядом всё время стояла вода: время от времени они делали по паре глотков и хотя бы не сходили с ума от жажды.

Торговля чанфэнем заодно подтянула и дело чайного лотка: к каждому набору полагалась порция чая. Хорошо, что хозяин чайного лотка заранее нанял работника, иначе, если бы ему самому пришлось и заваривать чай, и разносить его, после такого утра он мог бы сразу ложиться без сил.

Всё утро люди у обоих лотков были заняты так, что головы поднять не могли. Только к часу Сы

шумное оживление понемногу стало спадать. Пользуясь тем, что гостей стало меньше, Чжоу Сяолэ приготовил каждому по порции чанфэня.

Утром они ели рано, а после этой суматохи животы у всех почти одновременно заурчали. Даже хозяин чайного лотка привёл своего работника и пришёл поесть вместе с ними.

— Хозяин, несколько дней не виделись, а у вас тут всё так изменилось!

Чжоу Сяолэ как раз был занят уборкой. Услышав голос, он обернулся. Пришедший сидел у ограждения, небрежно перебирая рукой цветы и травы, а глазами водил туда-сюда, разглядывая навес. На его столе стояла птичья клетка. Птица внутри, наклонив голову, смотрела по сторонам, и выражением удивительно походила на своего хозяина.

Это был постоянный гость. Раньше, когда Чжоу Сяолэ говорил о новом блюде, тот ещё сказал, что непременно придёт попробовать, но после запуска новых видов так ни разу и не появился. Чжоу Сяолэ не принимал это близко к сердцу, а теперь, неожиданно, в день открытия тот всё-таки пришёл.

Чжоу Сяолэ убрал вещи и ответил:

— Всего лишь добавили к лотку навес.

— Добавили навес, да ещё и новых видов прибавили. Я давно слышал, что на восточной улице появился чанфэнь на бамбуковом сите, но, к сожалению, в прошлые дни меня не было в городе, так что не смог прийти попробовать. Вчера только вернулся, услышал, что хозяин сегодня открывается, вот сразу и пришёл.

— Тогда сегодня господин точно не будет разочарован!

Едва Чжоу Сяолэ договорил, Чжоу Чуся уже поставил готовиться чанфэнь на бамбуковом сите. Вскоре две порции чанфэня - одна с соусом, другая без - вместе оказались на столе того господина.

Сначала тот удивился, а потом медленно рассмеялся:

— Не ожидал, что спустя столько времени вы ещё помните.

Чжоу Чуся с улыбкой сказал:

— Это я впервые увидел, как птичка ест чанфэнь. Тут захочешь забыть и не забудешь.

Чанфэнь на бамбуковом сите у Чжоу Чуся выходил почти таким же, как у Чжоу Сяолэ. Если верно поймать время, сама рисовая плёнка не будет плохой. Тот господин, пробуя, то и дело кивал. Новый вид и правда оказался хорош; прийти стоило. Теперь у него появилось ещё одно место, куда можно заглянуть поесть.

— Идея с вашими наборами довольно интересная, — сказал господин, беседуя между кусочками.

— Это Лэ-гэр придумал! — Чжоу Чуся тоже считал идею хорошей. Прежде они продавали порцию за порцией, а теперь набор за набором. Пусть с каждой отдельной порции денег выходило меньше, зато количество стало больше, и вместе сумма оказалась куда выше прежней.

— О? — господин заинтересовался. — Откуда такая хитрая мысль?

Чжоу Сяолэ подумал: это опыт из прежней жизни, и идея вовсе не была его собственным изобретением. Но так ответить он, конечно, не мог.

Он улыбнулся и сказал:

— Просто случайно заметил, что на улице много семей с детьми, вот и подумал. Никакой особой хитрости тут нет.

Господин покачал головой:

— Хозяин скромничает. Многие, занимаясь делом, думают только о том, как сделать вещь хорошо, и держатся мысли: если вино ароматно, его не испугает и глубокий переулочек*. Мало кто задумывается, как придумать способ и пробудить интерес у других. Уже ради одной этой вашей идеи я хотел бы, набравшись наглости, подружиться с вами. Не знаю, согласны ли двое лаобаней* на такое знакомство?

(ПП: *Хорошее вино не боится глубокого переулочка - пословица: если товар хорош, клиенты сами найдут. *Лаобань - обращение к владельцу бизнеса, лавки, ресторана)

<http://bllate.org/book/17639/1714065>